

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.9.33>

Сакральные ландшафты Бетпакдалы

© 2023 г. Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Жусупов Д.С.

Keywords: Central Kazakhstan, Betpakdala, sacral space, mountains Tayatkan-Shunak, Bronze Age, mounds, petroglyphs

Түйін сөздер: Орталық Қазақстан, Бетпакдала, сакралды кеңістік, Тайатқан-Шұнақ таулары, қола дәуірі, обалар, петроглифтер

Ключевые слова: Центральный Казахстан, Бетпакдала, сакральное пространство, горы Тайаткан-Шунак, эпоха бронзы, курганы, петроглифы

Marina Bedelbayeva¹*, Victor Novozhenov² and Dauren Zhusupov³

¹*Corresponding author, Head of the Museum of Archaeology and Ethnography, Buketov Karaganda University, Karaganda, Kazakhstan. E-mail: bmv_1967@mail.ru

² Leading Researcher, International Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO, Almaty, Kazakhstan. E-mail: vnovozhenov@gmail.com

³Leading Researcher, Karaganda Regional Museum of Local History, Karaganda, Kazakhstan. E-mail: donya_1986@mail.ru

Sacred landscapes of Betpakdala

The article analyzes the main aspects of the organization of the sacred space on the example of the historical monuments of the Tayatkan-Shunak area. The landscape-mythological boundary marking “its own space” was often indicated by petroglyphs. The center of the sacred space of Tayatkan-Shunak is the location of rock carvings, the earliest of which date back to the Bronze Age. The drawings reflect the worldview components of the traditional mytho-ritual complex of the population and were part of complex rituals. The results of research on archaeological sites – Bronze Age fences and burial mounds are presented. The oldest mythological motifs are organically integrated into the existence of a Muslim cult complex – the worship of the mausoleums of Agybay Batyr and his wife, which is associated with Islamic traditions, but also has a more ancient context – the cult of the dead. The landscape elements consecrated by these historical monuments contribute to the sacralization of space and time, personified in a continuous cultural connection with previous generations.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, project IRN AP19679947.

For citation: Bedelbayeva, M., Novozhenov, V., Zhusupov, D. 2023. Sacred landscapes of Betpakdala. *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 9–33 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.9.33](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.9.33)

Марина Васильевна Бедельбаева^{1*},
Виктор Александрович Новоженев²,
Даурен Сейітұлы Жүсіпов³

^{1*}корреспондент авторы, археология және этнография музейінің меңгерушісі, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан

²жетекші ғылыми қызметкер, ЮНЕСКО қамқорлығындағы Мәдениеттерді жақындастыру орталығы, Алматы, Қазақстан

Марина Васильевна Бедельбаева^{1*},
Виктор Александрович Новоженев²,
Даурен Сеитович Жусупов³

^{1*}автор-корреспондент, заведующая музеем археологии и этнографии, Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, Карағанды, Казахстан

²ведущий научный сотрудник, Центр Сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Алматы, Казахстан

³жетекші ғылыми қызметкер, Қарағанды
облыстық тарихи-өлкетану музейі,
Қарағанды, Қазақстан

Бетпақдаланың киелі ландшафттары

Мақалада Тайатқан-Шұнақ аймағының тарихи ескерткіштері мысалында киелі кеңістік ұйымдастырудың негізгі аспектілері талданады. «Өз кеңістігі» болып таңбаланатын, ландшафтты-мифологиялық шекара көбінесе петроглифтермен белгіленді. Тайатқан-Шұнақ қасиетті кеңістігінің орталығы ең ежелгісі қола дәуірімен мерзімделетін жартастағы бейнелердің орналасқан жері болып табылады. Суреттер тұрғындардың дәстүрлі мифтік-ғұрыптық кешенінің дүниетанымдық компоненттерін бейнелейді және күрделі салттың бір бөлігі болып табылды. Археологиялық ескерткіштер – қола дәуірі қоршаулары мен обаларды зерттеудің нәтижелері берілген. Мұсылмандық культ кешенінің қалыптасуында ежелгі мифологиялық мотивтер ажырамай бірігіп кетті – Ағыбай батыр мен оның әйелі кесенелеріне табыну, бұл ислам дәстүрлерімен байланысты болғанымен анағұрлым көне контекст – өлілер культіне ие. Осы тарихи ескерткіштермен қасиетті ландшафт элементтері алдыңғы ұрпақтармен үздіксіз мәдени байланыста болған кеңістік пен уақытты киелі етуге үлес қосады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. гранттық қаржыландыру аясында орындалды, жобаның ЖТН АР19679947.

Сілтеме жасау үшін: Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Жусупов Д.С. Бетпақдаланың киелі ландшафттары. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 9–33-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2023.4.22.9.33](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.9.33)

³ведущий научный сотрудник, Карагандинский
областной историко-краеведческий музей,
Караганды, Казахстан

Сакральные ландшафты Бетпақдалы

В статье анализируются основные аспекты организации сакрального пространства на примере исторических памятников местности Тайаткан-Шунак. Ландшафтно-мифологическая граница, маркирующая «свое пространство», нередко обозначалась петроглифами. Центром сакрализованного пространства Тайаткан-Шунак является местонахождение наскальных изображений, самые ранние из которых датируются эпохой бронзы. Рисунки отражают мировоззренческие компоненты традиционного мифо-ритуального комплекса населения и являлись частью сложных обрядов. Представлены результаты исследований археологических памятников – ограды эпохи бронзы и курганов. Древнейшие мифологические мотивы органично вплелись в существование мусульманского культового комплекса – поклонение мавзолеям Агыбай-батыра и его жены, что связано с исламскими традициями, но имеет и более древний контекст – культ мёртвых. Освящённые этими историческими памятниками элементы ландшафта способствуют сакрализации пространства и времени, олицетворенного в непрерывной культурной связи с предшествующими поколениями.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025 гг., ИРН проекта АР19679947.

Для цитирования: Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Жусупов Д.С. Сакральные ландшафты Бетпақдалы. *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 9–33. [DOI: 10.52967/akz2023.4.22.9.33](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.9.33)

1 Введение (Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Жусупов Д.С.)

Проблема формирования сакрального пространства и соответствующих духовных практик как основы идентичности социума в границах определённой территории имеет универсальный характер и приобретает актуальное значение в контексте задачи модернизации общественного сознания.

Под сакральным пространством мы понимаем культурно-исторические и природные ландшафты, содержащие объекты материальной, духовной, хозяйственной, культовой деятельности древних людей, сохранённые и воспринятые в культуре современного населения как объекты поклонения, обладающие в восприятии человека иррациональными, мистическими смыслами и силой. Чаще всего такие ландшафты содержат историко-археологические памятники различных эпох (курганы, петроглифы, мазары и др.) и природные объекты, которые в разные исторические периоды прошлого и в настоящее время почитаются местным населением как культовые места. На терри-

тории Шетского района расположены 215 объектов, включенные в Государственный список памятников истории и культуры местного значения Карагандинской области: из них 172 (80%) отнесено к памятникам археологии, 34 (16%) – сооружения монументального искусства, 6 (3%) – памятники архитектуры и 3 (1%) сакральных объекта [Государственный список ...].

Целью статьи является введение в научный оборот результатов археологического обследования памятников в районе гор Тайаткан–Шунак для культурно-исторической реконструкции сакральных ландшафтов Бетпакдалы. Задачи состоят в детальном документировании историко-археологических объектов, выявленных и атрибутированных с использованием комплексных научных данных из разноплановых источников – архивы, карты, космоснимки, материалы разведки и раскопок курганов, входящих в единый комплекс с местонахождением петроглифов – для систематизации и интерпретации этих сведений.

Объективными факторами, задающими специфику региональных процессов формирования сакральных ландшафтов, являются естественные природно-климатические условия Бетпакдалы: сочетание больших площадей низкогорных и равнинных типов рельефа различных высотных амплитуд, континентальный аридный климат, неравномерное распространение природных и хозяйственных ресурсов. Эти природно-географические факторы длительное время способствовали развитию и устойчивому сохранению традиции возведения культовых и погребальных сооружений, нанесению изображений на скальные поверхности в отдельных микрорайонах, почитание которых кое-где сохранились вплоть до современности [Медоев 1979; Новоженев 2014].

2 Материалы и методы исследования (Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Жусупов Д.С.)

2.1 Методы исследования

В процессе изучения Бетпакдалы был использован географически детерминированный подход и выделена определённая территория – район гор Тайаткан–Шунак – с высокой концентрацией памятников различных эпох, которые отражают пространственно-временную дифференциацию процессов освоения региона. С целью систематизации картографического материала использованы методы статистики и анализа для выявления пространственного распределения культурно-исторических объектов во взаимосвязи с ландшафтной ситуацией и природной средой в рамках многокомпонентного комплекса «человек–природа–общество». Классификационно-типологические методы позволили выявить характерные конструктивные элементы объектов и их расположение с учётом топографии местности. В ходе изучения памятников археологии использовались традиционные полевые методы исследования (разведка, раскопки, фотофиксация и др.). Посредством сравнительно-исторических методов проведена предварительная атрибуция культурно-хронологической принадлежности археологических источников. Привлечены материалы по синхронным памятникам изучаемого комплекса из сопредельных регионов. Данный подход эффективен при характеристике поэтапной эволюции археологических культур разных хронологических периодов и конструировании целостной исторической ретроспективы развития древнего общества на указанной территории.

Особое внимание уделено определению значения и интерпретации содержания изобразительного наскального творчества на основе статистической обработки данных и применения структурно-семиотического подхода. Используются методы визуального осмотра и описания в ходе характеристики монументальной погребальной архитектуры казахов XIX в.

2.2 Материалы исследования

Наиболее заметными в полупустынном регионе Бетпақдалы являются памятники наскального искусства – петроглифы. В комплексе с другими археологическими объектами они предстают как единый культурно-исторический ландшафт, а границы таких памятников тождественны территории, вмещающей все сопряжённые в ландшафте следы жизнедеятельности древних коллективов. Петроглифы и иные археологические объекты опосредованно отражают в ландшафте способ обитания древних сообществ, их отношение к окружающей среде и функциональную значимость отдельных её компонентов в зависимости от уровня общественного, технического развития в конкретный период истории [Novozhenov 2020; Рогожинский, Новоженев 2018].

В течение голоцена природная среда Бетпақдалы изменялась существенным образом и вслед за ней менялись содержание и формы наскального искусства, а также самих культурно-исторических ландшафтов. Древние изображения и композиции могли восприниматься иначе в последующие времена и преобразовывались в соответствии с изменявшимися ценностными установками и художественными традициями: происходило создание новых изображений на тех же поверхностях скал, подновление или внесение изменений в более древние петроглифы.

Памятники изобразительного наскального творчества возникали на путях традиционных коммуникаций: вдоль Шёлкового пути и его многочисленных ответвлений, вдоль маршрутов кочёвок и путей миграций, в местах массовых периодических или сезонных собраний, на древних торговых дорогах, у водных переправ, то есть в ландшафтах, особенно активно использовавшихся людьми. Петроглифы как особый информационный канал именно там наиболее результативно выполняли свою главную коммуникативную функцию.

На развитие наскальной изобразительной традиции повлиял специфический способ хозяйственно-культурной адаптации местного населения: широкие региональные контакты, сосуществование различных культур и этносов, преобладание подвижных форм животноводства. Сложившийся в регионе основной вид хозяйственной и культурной деятельности населения был естественным образом ориентирован на перманентное экстенсивное освоение окружающего ландшафта, и петроглифы нередко служили важными указателями для ориентирования на местности при кочевании по полупустынным просторам на путях к богатым травой степным пастбищам. Поэтому скопления наскальных изображений расположены обычно в особо приметных местах ландшафтов: на скальных выходах по вершинам и склонам сопок, на обрывистых берегах малых и больших рек, на горных перевалах и вблизи мест зимних или летних становищ кочевников.

Эти памятники заметны издалека, с ними связаны местные предания и легенды, они нередко почитаются в настоящее время как «святые места», наделённые особой иррациональной силой и энергетикой, и могут рассматриваться как одна из важнейших составляющих сакрального ландшафта как древнего, так и современного социума.

Понятие «сакральный ландшафт» рассматривается нами как отражение в мифологическом, а затем и в религиозном сознании представления о присутствии в жизни природы и социума иррациональных, мистических, особо почитаемых сил в качестве организующего начала. При этом под сакральным пространством мы понимаем особым образом организованную жизнедеятельность социума на определённой территории, освоенной утилитарно, семантически и символически, на которой расположены возникшие в природе естественным образом, а также искусственно созданные объекты-символы (включая рукотворные и вербальные образы), наделённые в процессе сакрализации иррациональными, мистическими смыслами в рамках миропонимания данного социума.

Подчеркнём, что в рамках данной парадигмы сфера сакрального предполагает определённые действия – духовные практики (культовые обряды, ритуалы, обычаи), – мотивированные такими представлениями. Представляется, что создание петроглифов являлось органичной и, в некотором смысле, предопределённой процессом сакрализации формой предметно-практической деятельности. К подобным духовным практикам с глубокой древности относятся строительство культовых и погребальных сооружений, ритуалы взаимодействия между миром живых и умерших, знания шаманов и баксы, включая лечение и целительство, основанное на использовании местной флоры и фауны.

Таким образом, изучение сакрального ландшафта с использованием вышеописанных методов и концептуальных подходов – это реконструкция предметно-практической деятельности и духовной жизни древнего населения Бетпакдалы как единого многокомпонентного комплекса «человек–природа–общество» в рамках сформированного сакрального пространства, его эволюция и восприятие в современном социуме.

3 Результаты (Бедельбаева М.В., Новоженнов В.А., Жусупов Д.С.)

Далее рассмотрим изложенные выше представления на примере некоторых изобразительных, археологических и монументальных памятников в типичном для Бетпакдалы культурно-историческом ландшафте, в районе гор Тайаткан–Шунак (Шетский р-н, Карагандинская обл.), где расположены скопления наскальных изображений, каменные курганы, древние поселения, курганы с «усами», каменные изваяния, мавзолеи известных исторических личностей (рис. 1).

Начало научному изучению *петроглифов Шунак* положил академик А.Х. Маргулан. Петроглифы зафиксированы и опубликованы им под названием «Батпаксу» [Маргулан 2003: 88–147]. В августе 2013 г. петроглифы Шунак стали объектом исследования археографической экспедиции Национального архива Республики Казахстан во главе с М.О. Абсеметовым [Жапсымбетова 2013: 155–160; Марьяшев, Гумирова 2016: 183–191]. Материалы памятника частично опубликованы по результатам мониторинга изобразительных памятников региона [Бедельбаева и др. 2015: 56–76, 180–187]. Для копирования петроглифов со скал применялся бесконтактный метод фотографического сканирования с последующей графической обработкой изображений. Документированы и описаны 30 плоскостей с изображениями. Полевые исследования продолжились в 2018 г. на предмет анализа связи петроглифов с окружающим сакральным ландшафтом. Детально исследовано более 150 плит с многофигурными и одиночными изображениями.

Петроглифы выбиты на береговых скалах на обоих берегах р. Сарыбулак на протяжении около 1 км. Выбор места основывался на природных особенностях микро- и макротопографии скальных выходов, которые являются семантической доминантой окружающего ландшафта. Изображения нанесены на относительно ровных плоскостях скальных выходов желтовато-коричневого цвета, обращённых к реке, с южной или юго-восточной экспозицией. Основная часть изображений находится на правом берегу и включает в себя пять компактных локальных групп. Сохранность многих изображений неудовлетворительная.

Численно преобладают петроглифы, предположительно, эпохи бронзы. Несколько композиций могут датироваться ранним железным веком и средневековьем. Встречаются плоскости как с одиночными петроглифами, так и с многофигурными композициями. Наиболее выразительные многофигурные композиции расположены в центральной группе – эта часть комплекса выделяется самой плотной концентрацией петроглифов и плит с лунками, что, вероятно, указывает на предназначение этого места для жертвоприношений. Можно предположить, что эти плоскости с изобра-

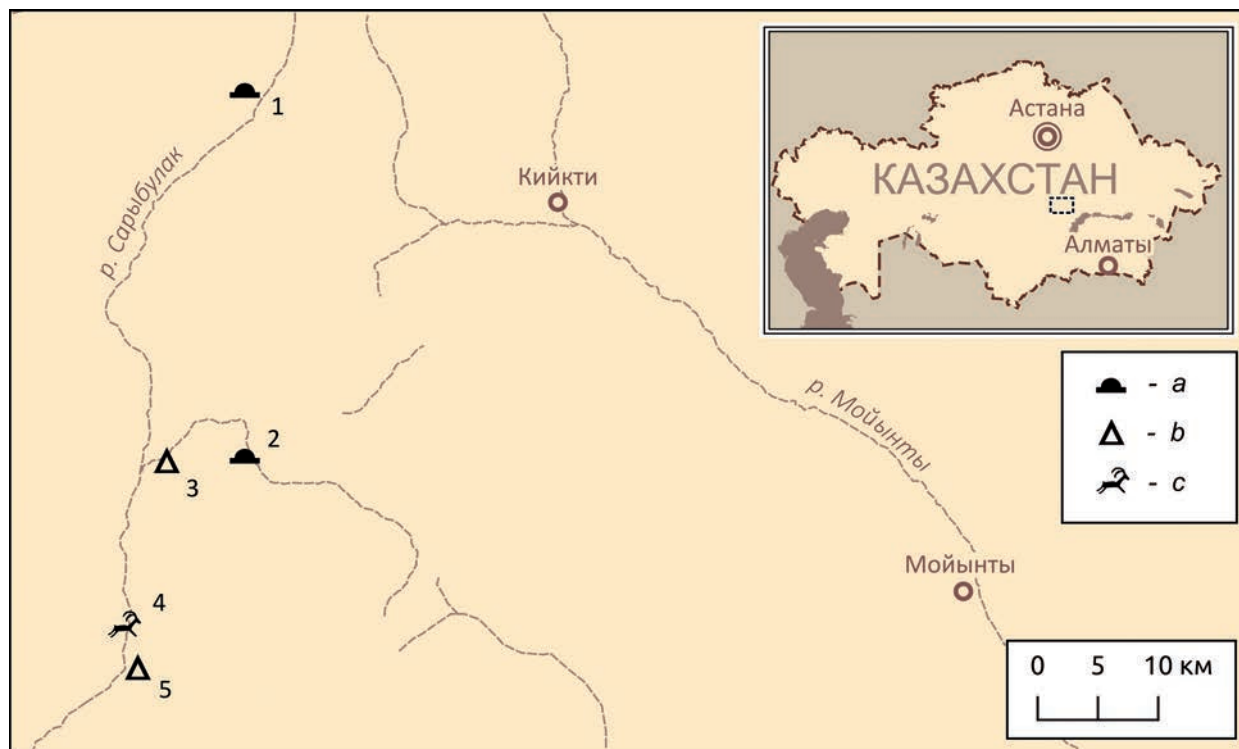

Рис. 1. Карта расположения исследованных памятников района гор Тайаткан–Шунак:
1 – Узынжал; 2 – Ельшибек 1; 3 – мавзолей Каратай батыра; 4 – Шунак; 5 – мавзолей Агибай батыра.
Условные обозначения: а – курганы; б – памятники этнографического времени; с – петроглифы.
Исполнитель: Михаил Антонов

1-сур. Тайатқан–Шұнақ таулары ауданында зерттелген ескерткіштердің орналасу картасы:
1 – Ұзынжал; 2 – Елшібек 1; 3 – Қаратай батыр кесенесі; 4 – Шұнақ; 5 – Ағыбай батыр кесенесі.
Шартты белгілер: а – обалар; б – этнографиялық уақыттың ескерткіштері; с – петроглифтер.
Орындаушы: Михаил Антонов

Fig. 1. Map of the location of the researched sites of the Tayatkan–Shunak mountains area:
1 – Uzynzhal; 2 – Yelshibek 1; 3 – Karatay Batyr mausoleum; 4 – Shunak; 5 – Agibay Batyr mausoleum.
Symbols: a – burial mounds; b – monuments of ethnographic time; c – petroglyphs.
Performer: Mikhail Antonov

жениями являлись частью сложных ритуалов, проходивших в этом святилище. Так, алтарную плоскость с уникальным изобразительным содержанием А.Х. Маргулан назвал «Таинственный ритуал шаманов» [Маргулан 2003: 106, 107].

Сцена расположена на вертикальной поверхности скального выхода с округлыми краями жёлто-коричневого цвета с южной экспозицией. Изображения выполнены в технике мелкой точечной выбивки с шлифовкой, выдержаны в одном стиле и насчитывают более 60-ти персонажей – участников композиции [Бедельбаева и др. 2015: 187–188; Бедельбаева 2019; Novozhenov 2020]. Это крупные быки, архары, антилопы, лошади, птицы и 12 антропоморфных персонажей (рис. 2). Доминирующее положение занимает «солнцеголовый» персонаж, расположенный в самой верхней части этой композиции, – отражение представления древних о сущностях Верхнего мира, присутствующих в повседневной жизни человека в Среднем (или Нижнем) мире посредством ритуалов, проводимых посвящёнными, то есть обладающими сакральными знаниями. Видимо, изображено как

под руководством «солнцеголового» происходит один из таких ритуалов. Справа от него размещена эротическая сцена, вероятно, символизирующая «священный брак». Шесть антропоморфных изображений, рассредоточенных по всей плоскости, показаны с поднятыми руками (в позе адорации) и обращены в сторону «солнцеголового» божества. Изображения этих людей реалистичны и максимально детализированы: круглые головы, причёски или головные уборы, носы в форме крючка, загнутого вверх, по две ноги, ступни, ладони с пальцами, фаллосы. В центре плиты изображён поединок двух людей с дубинками в руках, показанных в профиль. Фигуры участников поединка отличаются особой экспрессией и динамизмом. По обе стороны от них изображены два палиценосца, один из которых держит палицу высоко над головой, второй – перед собой. Ещё одна фигура человека прорисована вверх ногами (повержен?).

Рис. 2. Петроглифы Шунак. Многофигурная композиция с участием противостоящих палиценосцев. Эпоха бронзы. Фото: Марина Бедельбаева
2-сур. Шұнақ петроглифтері. Қарсыласқан палиценостердің қатысуымен көп фигуралы композиция. Қола дәуірі. Фото: Марина Бедельбаева

Fig. 2. The Shunak petroglyphs. Multi-figure composition with opposing club-wielders. Bronze Age. Photo: Marina Bedelbayeva

Сюжет с похожим содержанием представлен в петроглифах урочища Тамгалы [Максимова и др. 1985: 40, рис. 14, 15]. Такое «концептуальное» сходство, достаточно очевидное при сравнении, свидетельствует об общераспространённом характере сюжета, включающего персонификацию верховного божества, противопоставление Нижнего и Верхнего мира, идею реинкарнации как условие обеспечения жизнедеятельности и благополучия. Возможно, парность фигур и сам поединок могли отражать один из сюжетов мифа о соперниках братьях-близнецах Ашвинах, характерный для многих древних культур Центральной Азии и Переднего Востока [Новоженков 2014: 208–236]. Мотив борьбы являлся, скорее всего, одним из архетипов в древнем сознании и обусловлен не только элементарным сосуществованием с представителями других социумов, но и дуалистическим представлением об окружающем мире [Shvets 2012: 171–190].

Смысловое значение композиции может быть определено как отражение неизвестного нам обряда или мировоззренческой компоненты традиционного мифо-ритуального комплекса, отражающего архаичные мотивы эсхатологии, катастрофизма, превращения Хаоса в Космос, которые использовались местным населением в эпоху бронзы.

В петроглифах Шунак зафиксировано несколько изображений эпохи ранних кочевников, выполненных в скелетном стиле, например, крупная фигура хищника из породы кошачьих [Бе-

дельбаева 2019: 632, рис. 1]. В более поздних петроглифах в отдельную группу выделены тамги, выбитые единовременно на единой скальной плоскости в непосредственной близости друг от друга, расположенные компактно, вкруговую. Знаки одинаковые по размеру – длина основной части составляет 7–10 см. С учётом степени патинизации изображения могут датироваться средневековьем. Их графика демонстрирует значительную стилистическую близость с современными родовыми тамгами казахов. Так, определённо, одна из них – тамга-бакан – принадлежит роду найман-баганалы (рис. 3).

Широкое распространение традиции использования тамг в различных сферах жизнедеятельности – для маркировки территориальных владений, в качестве опознавательных знаков родовой принадлежности по принципу «свой–чужой» – являлось одним из главных признаков, характеризующих своеобразие традиционной культуры казахов. Все это доказывает, что петроглифы Шунак наносились на протяжении многих столетий.

Рис. 3. Петроглифы Шунак.
Плоскость с тамгами. Фото: Марина Бедельбаева
3-сур. Шұнақ петроглифтері.
Таңбалар бар жазықтық. Фото: Марина Бедельбаева
Fig. 3. The Shunak petroglyphs. Panel with tamgas.
Photo: Marina Bedelbayeva

3.1 Археологические источники

Археологические памятники региона представлены, в основном, погребально-культовыми сооружениями, к числу которых относятся крупный комплекс Ельшибек, включающий более 120-ти оград эпохи бронзы, разновременных захоронений и курган с каменными грядами [Маргулан 1966: 134–140, рис. 54–56], поселение Озерное (№ 2358 АКК), курган ранних кочевников [Кадырбаев 1959: 166–168], ограда с каменным изваянием тюркского времени (№ 2363 АКК), остатки ирригационных сооружений и арыков, зимовки, мавзолее Агыбай батыра и других исторических личностей.

3.1.1 Раскопки кургана Узынжал 1

Летом 2023 г. были проведены исследования одиночного кургана Узынжал 1, расположенного в Кийктинском сельском округе Шетского района (рук. – зам. директора по науке Карагандинского областного историко-краеведческого музея, м.г.н. Д.С. Жусупов). Памятник расположен на относительно ровной площадке. Высота кургана составляет 1,1 м, диаметр 15 м. Полу-сферическая курганная насыпь слабо задернована. Впадина в центре насыпи густо поросла кустами караганника, из-за чего первоначально визуально плохо просматривалась. После зачистных работ было выявлено воронкообразное углубление в центре. На ограждение указывал и тот факт, что на восточной стороне насыпи кургана зафиксирован выкид грунта с центральной

части. Бровка ориентирована по линии север–юг. Поверхность кургана была забутована камнями, под которым фиксировалась прослойка гумусированного суглинка, толщина которого имеет максимальное значение ближе к вершине насыпи и исчезает у её подножий. Центральная часть насыпи и могильная яма в местах ограбления заполнена желтоватым затёчным суглинком.

Большая часть насыпи сложена из относительно крупных камней и мелкощебнистого грунта светло-коричневого цвета. В профиле он фиксируется в виде двух массивов по обе стороны от могильной ямы. Ближе к могильной яме идёт однородный слой почвы, в который включены крупнощебнистые фракции. Этот слой подстилает суглинок белёсого цвета, им же заполнена могильная яма в тех местах, которые не были затронуты ограблением. На уровне древней дневной поверхности данный слой лежит над погребённой почвой, которая фиксируется в виде прослойки гумуса (рис. 4)* (*Иллюстрации к статье подготовлены художником И. Гусевым).

После разбора бровки и проведения горизонтальной зачистки в центре подкурганной площадки на уровне материка были выявлены верхние контуры могильной ямы

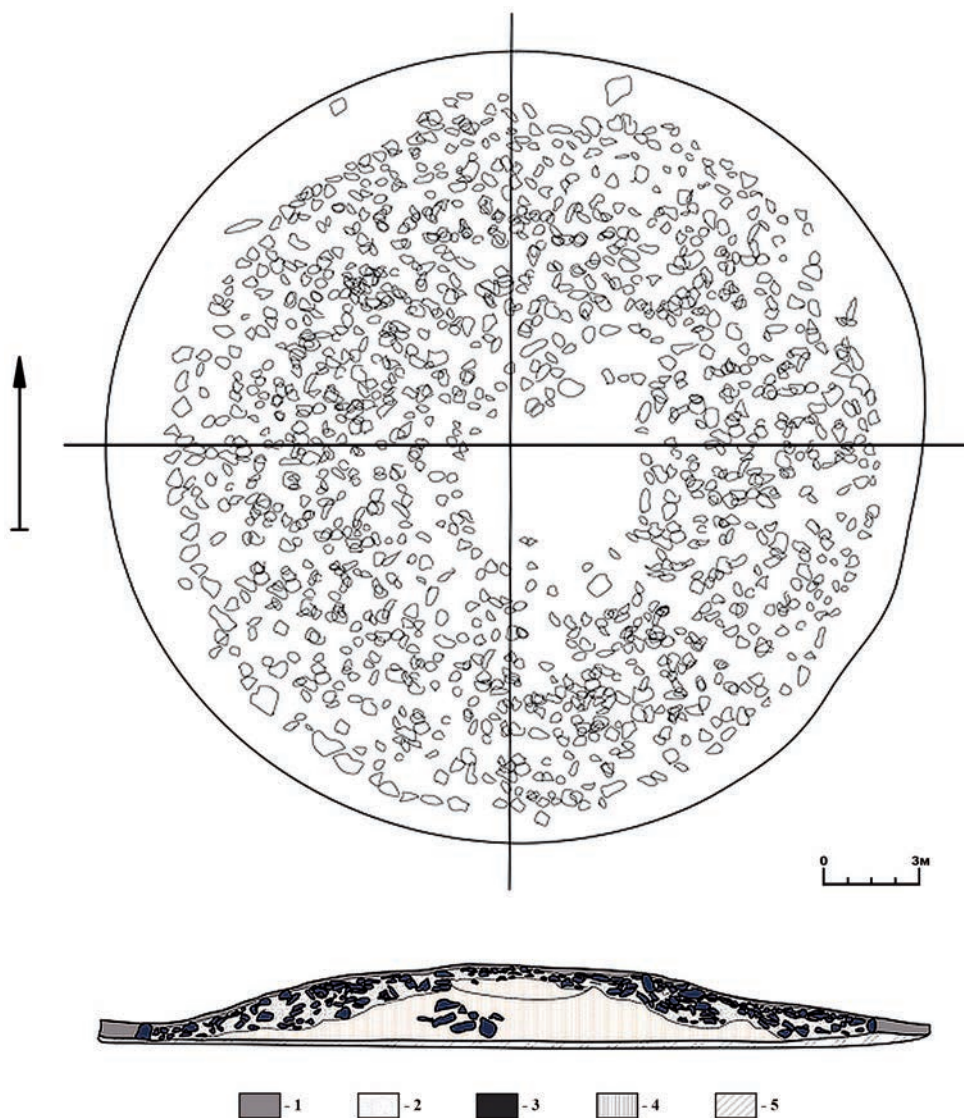

Рис. 4. Курган Узынжал 1. Общий план и стратиграфический профиль: 1 – дёрн; 2 – гумус; 3 – камни; 4 – белёсый суглинок; 5 – материк. Исполнитель: Илья Гусев
4-сур. Ұзынжал 1 обасы. Жалпы жоспары және стратиграфиялық профілі: 1 – шым; 2 – гумус; 3 – тастар; 4 – ақшыл саздақ; 5 – материк. Орындаушы: Илья Гусев

Fig. 4. Uzynzhai 1 burial mound. General plan and stratigraphic profile.
1 – turf; 2 – humus; 3 – stones; 4 – light soil loam; 5 – subsoil. Performer: Iliia Gusev

овальной в плане формы размерами 2,4×1,8 м. Могила ориентирована длинной осью по линии северо-запад–юго-восток. Заполнение ямы неоднородное с каменным включением. В ходе вскрытия могильной ямы на глубине 0,75 м обнаружены фрагменты костей человека и животных. Общая глубина могильной ямы составила 1,10 м. Курган безинвентарный (рис. 5).

3.1.2 Исследования на могильнике Ельшибек 1

Два кургана и ограда были исследованы на могильнике Ельшибек 1, включающем погребальные сооружения различного типа. Объекты расположены в 27 км к северо-востоку от мавзолея Агыбай батыра, в 30 км на юго-запад от ж.д. ст. Кийкти.

Курган № 1 имел каменно-земляную насыпь округлой в плане формы диаметром 15 м и высотой 1,2 м (рис. 6). В юго-восточном секторе насыпи кургана зафиксирована выкладка подпрямоугольной формы размерами 2×3 м из плашмя уложенных камней (рис. 7). После снятия бровки в заполнении могильной ямы на глубине 0,15 м (0,55 м от вершины кургана) было обнаружено бронзовое изделие: фигурная пронизь, состоящая из трёх прямоугольных в сечении трубок, отлитых в одной литейной форме. Размеры 1,9×1,9×2,3 см, вес 20 г. Нижняя часть имеет следы производственного брака в виде двух отверстий произвольной формы (рис. 8). Функциональное назначение не вполне ясно. Предположительно, изделие использовалось как распределитель ремня.

Аналогичный артефакт большего размера и веса (80 г), найденный в кургане № 2 мог. Тасмола V вместе с массивным бронзовым колокольчиком, описан М.К. Кадырбаевым и трактуется как элемент конской узда [Кадырбаев 1966: 319, рис. 17].

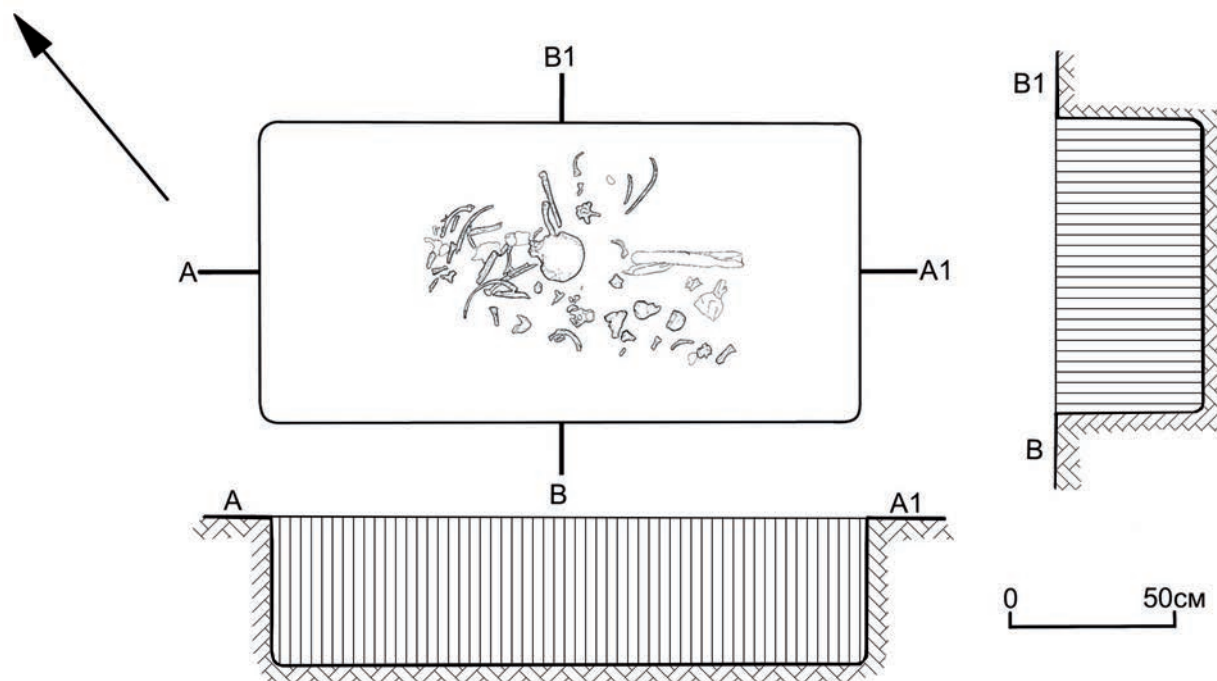

Рис. 5. Курган Узынжал 1. План и разрезы могильной ямы. Исполнитель: Илья Гусев
5-сур. Ұзынжал 1 обасы. Жерлеу шұңқырының жоспары және қимасы. Орындаушы: Илья Гусев
Fig. 5. Uzynzhal 1 burial mound. Plan and section of the grave pit. Performer: Ilia Gusev

Рис. 6. Могильник Ельшибек 1.
Вид кургана № 1 после вскрытия
насыпи. Фото: Дәурен Жұсупов

6-сур. Елшібек 1 қорымы.
Үйіндіні алғаннан кейінгі № 1
обаның көрінісі.
Фото: Дәурен Жүсіпов

Fig. 6. Yelshibek 1 burial ground.
View of the kurgan No. 1 after
opening the embankment.
Photo: Dauren Zhusupov

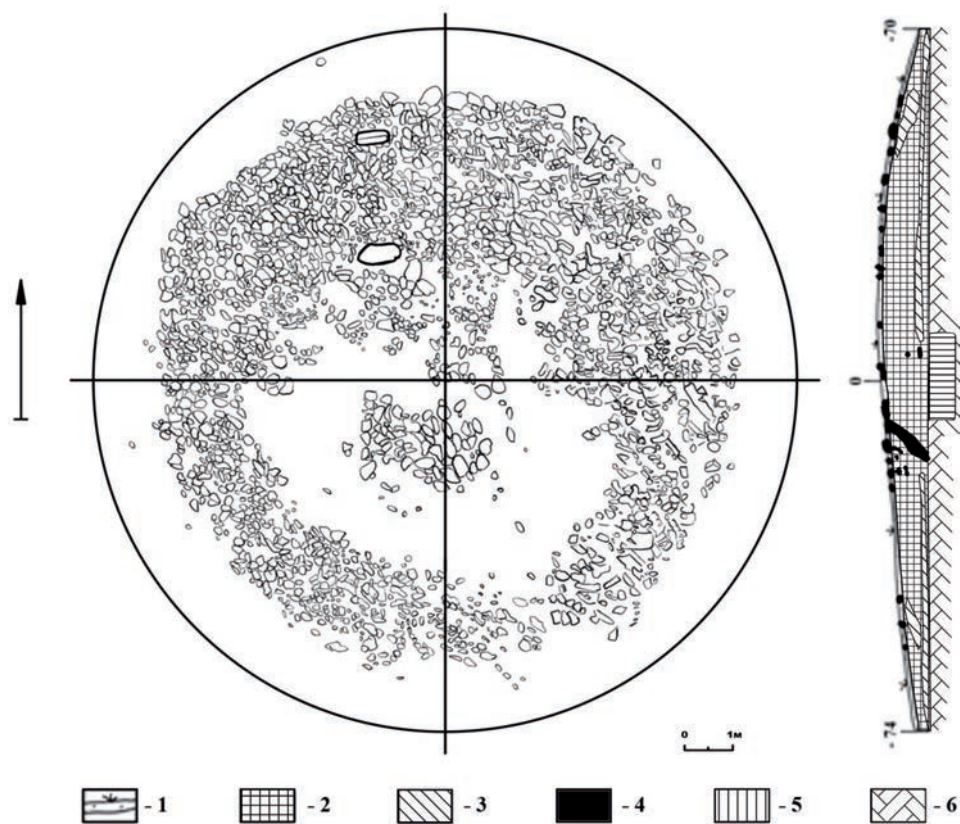

Рис. 7. Могильник Ельшибек 1. Общий план и стратиграфический профиль кургана № 1: 1 – дёрн; 2 – суглинок коричневого цвета; 3 – белёсый суглинок; 4 – камни; 5 – заполнение могильной ямы; 6 – материк.
Исполнитель: Илья Гусев

7-сур. Елшібек 1 қорымы. № 1 обаның жалпы жоспары және стратиграфиялық профілі: 1 – шым; 2 – қоңыр түстегі саздақ; 3 – ақшыл саздақ; 4 – тастар; 5 – жерлеу шұңқырының толтырылымы; 6 – материк.
Орындаушы: Илья Гусев

Fig. 7. Yelshibek 1 burial ground. General plan and stratigraphic profile of the kurgan 1: 1 – turf; 2 – brown soil loam; 3 – light soil loam; 4 – stones; 5 – filling of a grave pit; 6 – subsoil. Performer: Ilia Gusev

Рис. 8. Могильник Ельшибек 1, к. 1. Бронзовое изделие. Фото: Илья Гусев
8-сүр. Елшібек 1 қорымы, 1-оба. Қола бұйым. Фото: Илья Гусев
Fig. 8. Yelshibek 1 burial ground, kurgan No. 11. Bronze item. Photo: Ilia Gusev

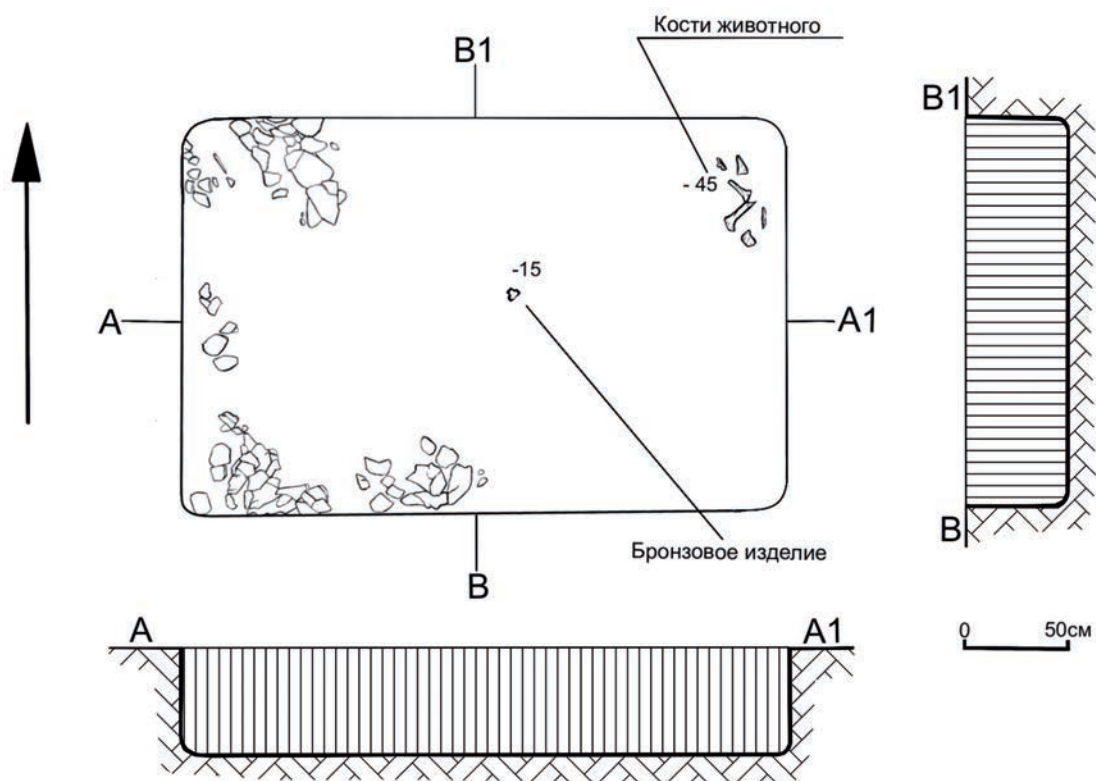

Рис. 9. Могильник Ельшибек 1, к. 1. План и разрезы могильной ямы. Исполнитель: Илья Гусев
9-сүр. Елшібек 1 қорымы, 1-оба. Жерлеу шұңқырының жоспары және қимасы. Орындаушы: Илья Гусев
Fig. 9. Yelshibek 1 burial ground, kurgan No. 11. The plan and section of the burial pit. Performer: Ilia Gusev

Рис. 10. Могильник Ельшибек 1. Общий вид ограды после вскрытия насыпи.

Фото: Даурен Жусупов

10-сур. Елшібек 1 қорымы.

Үйіндіні алғаннан кейінгі қоршаудың жалпы көрінісі.

Фото: Даурен Жүсіпов

Fig. 10. Yelshibek 1 burial ground.

General view of the fence after opening the embankment.

Photo: Dauren Zhusupov

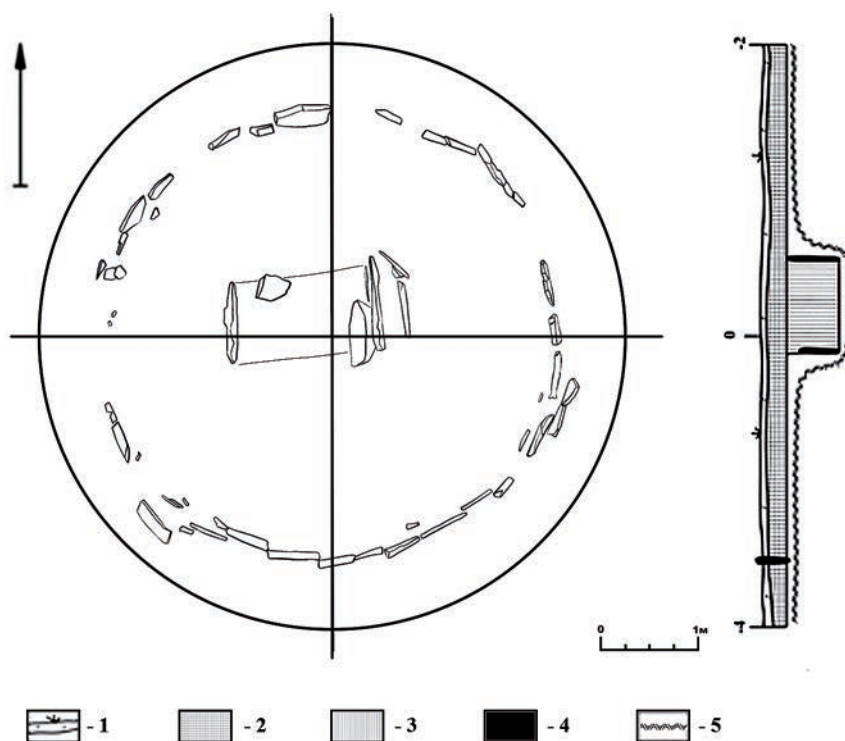

Рис. 11. Могильник Ельшибек 1. План и стратиграфия ограды: 1 – дёрн; 2 – суглинок коричневого цвета; 3 – заполнение могильной ямы; 4 – камни; 5 – материк. Исполнитель: Илья Гусев

11-сур. Елшібек 1 қорымы. Қоршаудың жоспары және стратиграфиясы: 1 – шым; 2 – қоңыр түстегі саздақ; 3 – жерлеу шұңқырының толтырылымы; 4 – тастар; 5 – материк. Орындаушы: Илья Гусев

Fig. 11. Yelshibek 1 burial ground. The plan and stratigraphy of the fence: 1 – turf; 2 – brown soil loam; 3 – filling of a grave pit; 4 – stones; 5 – subsoil. Performer: Ilia Gusev

Могильная яма кургана № 1 имела размеры 1,9×0,6 м и глубину 0,5 м. На дне беспорядочно лежали плохо сохранившиеся кости погребённого (рис. 9). Полное разграбление могильной ямы и отсутствие погребального инвентаря не позволяет достоверно установить его культурную принадлежность. По конструктивным признакам и найденному бронзовому изделию можно предположить, что курган относится к раннему железному веку, являясь составной частью разновременного могильника.

Курган № 2 с каменно-земляной округлой насыпью (диаметр – 8 м, высота – 0,4 м), вероятно, был кенотафом. Могильная яма не обнаружена. Данное погребальное сооружение, возможно, возводилось для культовых действий, связанных с поминанием усопшего вдали от родных мест.

Ограда из вкопанных на ребро плит диаметром 5,5 м исследована с оставлением бровки по линии север–юг (рис. 10). Зафиксирована стратиграфия сооружения: культурный слой внутри ограды состоял из дернового слоя толщиной 0,3 м, спрессованного песка серого цвета, перемешанного с галькой, толщиной до 0,2 м (рис. 11). Исследован каменный ящик размерами 1,5×0,7 м. У внешних стенок ящика найдены камни, служившие подпорками, и две плиты, которыми он, видимо, был перекрыт в древности. В заполнении могильной ямы встречались разрозненные фрагменты керамики, часть найдена на дне – на глубине 0,7 м. Общее количество составляет 60 фрагментов от двух сосудов. Один сосуд – более крупный, баночной формы с резным орнаментом из трёх параллельных линий и насечек по венчику, второй – тонкостенный, горшечной формы с уступчиком, алакульского типа, с орнаментом по венчику и тулову (рис. 12). На дне могилы, неоднократно разграбленной, зафиксированы разрозненные и плохо сохранившиеся кости человека. Других находок не обнаружено (рис. 13). Требуется дальнейшие полевые исследования этого памятника.

Рис. 12. Могильник Ельшибек 1. Фрагменты керамики из ограды. Исполнитель: Илья Гусев
12-сур. Елшібек 1 қорымы. Қоршаудан алынған керамика фрагменттері. Орындаушы: Илья Гусев
Fig. 12. Yelshibek 1 burial ground. Fragments of ceramics from the fence. Performer: Ilia Gusev

3.2 Изучение памятников этнографического времени

3.2.1 Мавзолей Агыбай батыра

В процессе исследования выбранного района проанализирован монументальный комплекс этнографического времени – мавзолей XIX в. В пользу представлений об особой мистической и духовной энергии данной местности могут свидетельствовать захоронения Каратай батыра, Агыбай батыра и его сыновей Аманбая и Аманжола. По легенде перед смертью Агыбай Акжолтай Конырбайулы (1802–1885) – полководец хана Кенесары – указал на место недалеко от гор Тайаткан и Шунак. Несмотря на то, что его потомки добивались у российских колониальных властей разрешения захоронить его прах близ мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави в Туркестане, он был похоронен именно здесь [Шөженов 2010].

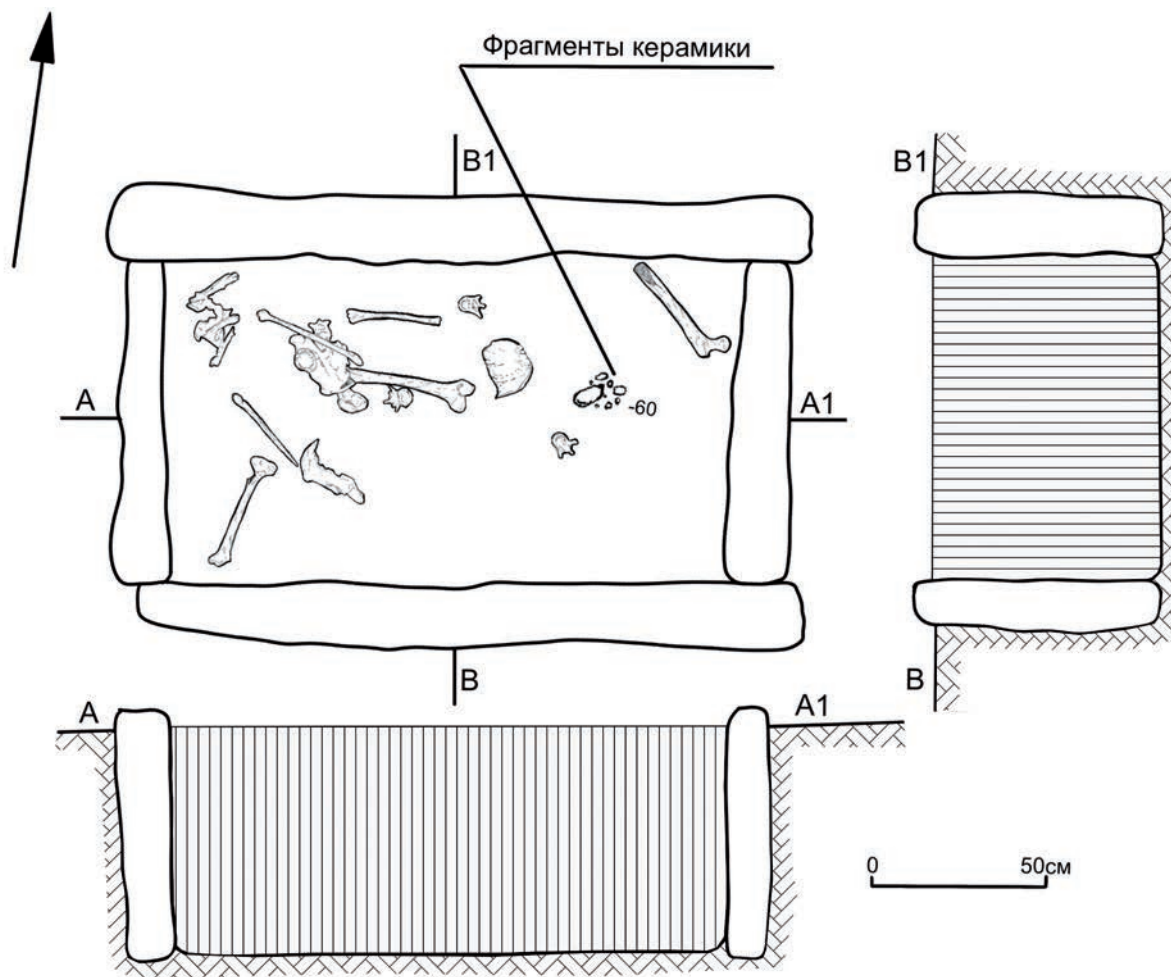

Рис. 13. Могильник Ельшибек 1. План и разрезы могильной ямы ограды. Исполнитель: Илья Гусев
13-сур. Елшібек 1 қорымы. Қоршаудың жерлеу шұңқырының жоспары және қимасы.
Орындаушы: Илья Гусев

Fig. 13. Yelshibek 1 burial ground. The plan and section of the grave pit of the fence. Performer: Ilia Gusev

Мавзолей является одной из крупнейших построек в Бетпакдале, выполнен из сырцового кирпича на глиняном растворе (рис. 14). Сооружение перекрыто куполом и имеет шесть колонн, которые завершаются башнями. Размеры по внешнему периметру составляют $9,80 \times 10,15$ м, высота мавзолея с куполом – более 8 м. В ходе реставрации здания, которое проводилось сотрудниками специализированной проектно-реставрационной фирмы «Кумбезд», в кладках стен на различной высоте были обнаружены 19 кирпичей различной конфигурации с изображениями знаков. По окончании работ данные артефакты были возвращены на свои места. Шыракшы Хамит (смотритель мавзолеев) называет эти надписи «Ағзам» (эпитет бога – «величайший») и утверждает, что никто из людей не сможет их прочесть, поскольку каждый из этих символов несёт в себе смысл целой книги, в совокупности раскрывая сущность всего мироздания. Несколько надписей имеют определённые параллели с арабской графикой – это кирпичи № 1–3, 6, 12, 16–18. Знаки на остальных кирпичах не

Рис. 14. Мавзолей Агыбай батыра. Фото: Марина Бедельбаева
14-сур. Ағыбай батыр кесенесі. Фото: Марина Бедельбаева
Fig. 14. Agybay Batyr Mausoleum. Photo: Marina Bedelbayeva

имеют аналогий в тамгах и не идентифицируются как письменность (рис. 15)* (*Прорисовки взяты из отчёта специализированной проектно-реставрационной фирмы «Кумбез» (СПРФ «Кумбез»), см.: [Проект... 2005]). Возможно, подобные религиозные символы имели целью передачу определённых пожеланий от родственников, строителей или изготовителей сырцового кирпича через святого Всевышнему. Необходимы более предметные исследования специалистов по эпиграфике и филологии.

3.2.2 Мазары жён Агыбай батыра

Согласно собранным сведениям, два мазара, расположенные в непосредственной близости от мавзолея Агыбай батыра, представляют собой родственный некрополь. Эти позднесредневековые погребальные сооружения задокументированы как захоронения жён Агыбай батыра – старшей жены Талшыбык (Талжибек) из рода таракты и младшей Шөкіжан (Шокижан). По сведениям шырақшы Хамита, Талшыбык (Талжибек) категорически отказалась от предложения мужа быть погребённой с ним в одном мавзолее и требовала сооружения собственного мазара, обосновывая это тем, что в своих молитвах люди будут вспоминать только его, если она будет погребена рядом. Приезжая на могилу в её собственный мавзолей, они будут читать молитвы именно ей.

Мавзолей является памятником культовой архитектуры, характерным для конца XIX в. погребальным сооружением, характеризующимся своеобразным архитектурным стилем и пространственным решением. Строительные приёмы архитектора полностью рациональны и отражают значимость памятника. Данный памятник был возведён на площадке невысокого холма, благодаря чему двухярусный силуэт мазара чётко выделяется в равнинной местности. Кроме этого, возвышенное

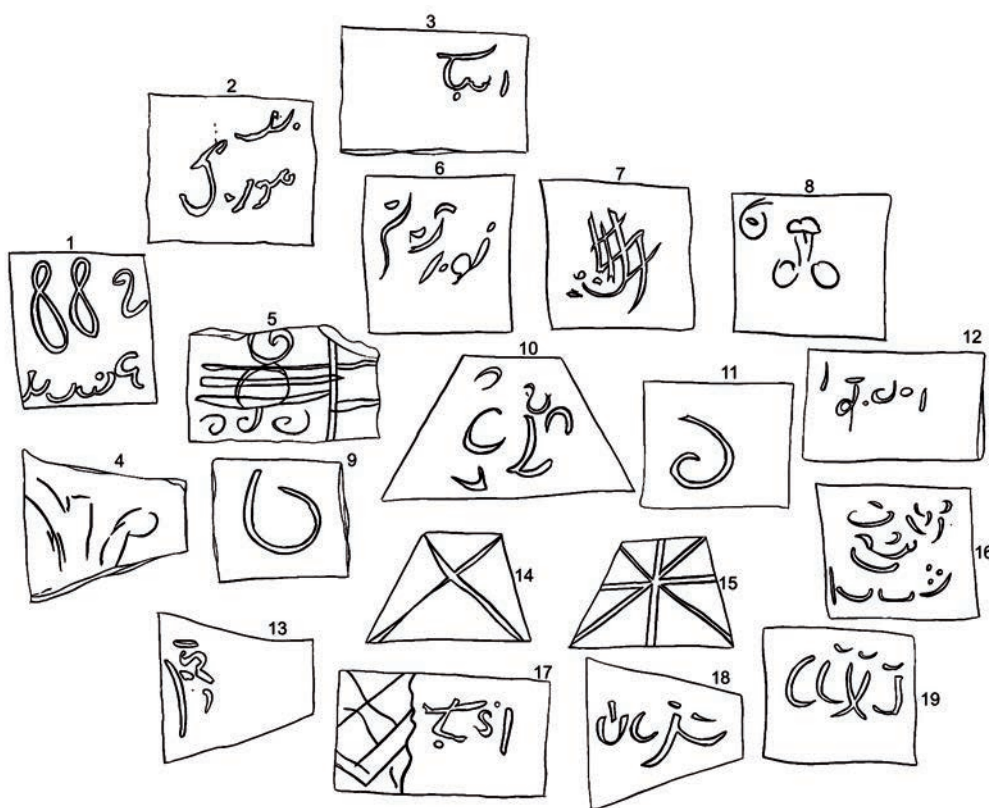

Рис. 15. Кирпичи с изображениями из мавзолея Агыбай батыра. Исполнитель: Илья Гусев
15-сур. Ағыбай батыр кесенесінен алынған суреттері бар кірпіштер. Орындаушы: Илья Гусев
Fig. 15. Bricks with images from the mausoleum of Agybay Batyr. Performer: Ilia Gusev

место способствовало минимальному воздействию талых и грунтовых вод. Контраст сооружения с открытым пространством степи подчёркивается пластикой стен, скупой разработанным фасадом, конфигурацией общего плана. Мазар строился без фундамента. По архитектурно-художественным характеристикам памятник представляет собой сооружение с круглым пространственным решением – по аналогии с юртой (рис. 16).

Диаметр сооружения у основания составляет 8,5 м, высота – более 3 м. Мавзолей выложен из кирпича-сырца с сочетанием ложковой и тычковой кладки. Это двухярусное сооружение, в верхней части которого расположено световое окно диаметром более 1,5 м. Сквозной проём (вход-выход) в восточной стене с внешней стороны оформлен как прямоугольный (высота – 1,1 м, ширина – 0,8 м), с внутренней выполнен в виде узкой удлинённой арки, верхняя часть которой выложена вертикальной кладкой кирпича. Толщина стен варьирует от 0,7 м до 1,5 м. Около 40 рядов сырцового прямоугольного кирпича длиной от 0,2 м у основания и стен до 0,35 м на сфероконическом своде мавзолея завершаются кладкой одного ряда дикого камня – плитняка разной размерности, которые венчают сооружение.

Внутренняя среда мавзолея полностью изолирована от внешней, что усиливается ложными окнами. Эти треугольные ниши по внутреннему периметру стен расположены в два яруса в шах-

Рис. 16. Мавзолей Талшыбык (Талжибек). Фото: Марина Бедельбаева
16-сур. Талшыбық (Талжибек) кесенесі. Фото: Марина Бедельбаева
Fig. 16. Talshybyk (Talzhibek) Mausoleum. Photo: Marina Bedelbayeva

матном порядке: первый ярус на высоте 0,7 м от основания сооружения, второй – 2 м. Ниши представляют собой равнобедренные треугольники с размером основания от 0,4 до 0,53 м и высотой от 0,8 до 1,1 м. Отсутствие декора усиливает строгость архитектурного стиля.

Несмотря на простые способы строительства и материал, памятник выдержал испытание временем, простояв более сотни лет. Довольно высокая прочность кирпича объясняется органическими добавками, которые включались в его состав: это могло быть козье или кобылье молоко, бараний жир, конский волос, рубленая солома или трава.

К настоящему времени памятник частично утратил первоначальный вид и выразительные архитектурные формы. Состояние мавзолея с учётом всех изменений, происходящих с ним в результате природных и антропогенных факторов воздействия, свидетельствует о сохранении его исторической подлинности, целостности конструкций и элементов, а также взаимосвязи с окружающей исторической и ландшафтной средой.

Мавзолей Талшыбык (Талжибек), как и погребение Агыбай батыра, почитается в настоящее время как культовое место и имеет большую популярность. Местное население и туристы посещают мазары, связывая с ними ряд религиозных представлений, что подтверждает их историческую и мемориальную ценность. Современные паломники выполняют обряды, которые включают в себя

поклонение усопшим, молитву рядом с мазарами, принесение жертвы (животное, платок или кусок ткани с завязанными в узелок деньгами и т. д.), предпочитая переночевать рядом с мавзолеем, чтобы получить от аруахов благословение.

Мавзолей Талшыбык (Талжибек) посещают для того, чтобы попросить у высших сил излечения от болезней или продолжения рода. Шыракшы Хамит утверждает, что пыльца растения *Rosa Hulthemia*¹ (рис. 17), произрастающего вокруг этого мавзолея, собранная в определённый период цветения (конец апреля – май), имеет свойства современной виагры. По наблюдениям местных козеводов, репродуктивная производительность жеребцов значительно вырастает, когда они пасутся в местах произрастания этого растения, употребляя его в качестве корма.

На наш взгляд, использование гультемии и вера в её целебные свойства – это яркий пример природной составляющей сакрального ландшафта регионального комплекса «человек–природа–общество», восходящей, как можно предполагать, к традиционным знаниям местных древних целителей.

Рис. 17. Кустарник гультемия барбарисолистная (*Rosa Hulthemia*).

Фото: Марина Бедельбаева

17-сур. Бөріқарақат гүлшоғыры (*Rosa Hulthemia*).

Фото: Марина Бедельбаева

Fig. 17. Shrub *hulthemia berberifolia* (*Rosa Hulthemia*).

Photo: Marina Bedelbayeva

¹ Согласно экспертному заключению д.б.н. М.Ю. Ишмуратовой (НАО «Карагандинский университет им. Е.А. Букетова»), гультемия барбарисолистная (синоним: гультемия персидская, персидская роза) – низкий, ползучий, раскидисто-ветвистый кустарник высотой 15–50 см. Молодые веточки в нижней части имеют шипы, листья с обеих сторон или снизу слегка бархатистые от густо одевающих их коротких волосков. Листья простые, узкоэллиптические, узко-обратно-яйцевидные или клиновидные, на коротком черешке, при основании суженные или закруглённые. Зубцы обычно короткие, кверху направленные, прилистников нет. Цветки одиночные, верхушечные, 2,5–3,5 см в диаметре, без аромата. Лепестки растопыренные, золотисто-жёлтые, с тёмно-пурпуровым пятном при основании, слегка выемчатые на верхушке. Тычинки чёрно-фиолетовые. Гипантии шаровидные, с перетяжкой на верхушке, щетинистые. Плоды около 10 мм длиной, густо усаженные прямыми игольчатыми шипиками, в зрелом состоянии суховатые, фиолетово окрашенные, по высыхании коричневые. Семена продолговатые, около 5 мм длиной, тёмно-коричневые, блестящие. Цветёт в апреле, начале мая, плодоносит в июне. Растёт на пустынных глинистых и солонцеватых местах, реже на каменистых и глинистых склонах. Даёт много корневой поросли. Гультемия распространена в Казахстане, в странах Центральной Азии, на западе Китая, в России на юге Западной Сибири. Произрастая совместно, виды гультемии часто образуют гибриды, имеющие промежуточные признаки. Плоды используют в качестве лекарственных растений для лечения авитаминоза, как антимикробное и противовоспалительное средство.

4 Дискуссия (Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Жусупов Д.С.)

Констатируя многообразие изобразительных, археологических, культовых, природных объектов, сконцентрированных в местности Тайаткан–Шунак, следует соотнести местные духовные практики с характерными для различных регионов Казахстана традициями, связанными с поклонением пещерам и иным природным объектам, то есть памятниками нерелигиозного, культового характера. Паломники, верующие мусульмане в таких местах обращаются к Аллаху – считается, что они будут услышаны, потому что место выступает надежным проводником к Богу. Примером такого сакрального места, например, выступает святилище Теректы Аулие [Бедельбаева 2011: 83–88]. Очевидно, что в своей совокупности такие представления являются реликтами миропонимания, возникшего до появления ислама, и мистических представлений об особой энергетике таких объектов.

Полагаем, что и в древности могли существовать поверья об особой энергетике местности Тайаткан–Шунак. Косвенным подтверждением этого является убежденность сторонников современных эзотерических учений о парапсихологической энергетической функции этого места, основанная на факте геологического исследования существующего здесь древнего метеоритного кратера глубиной 400 м и диаметром 3,1 км, что в два раза больше и глубже аналогичного кратера в Аризоне (США), широко известного во всем мире и также почитаемого местным населением. Возраст оценивается в 45 ± 10 млн лет (эоцен). Дорога к кратеру Шунак включает посещение целебного источника, а также цикл физических и эмоциональных действий (подъем на высоту, связанный с преодолением сложностей и тягот; омовение в нишах-бассейнах, наполненных чудодейственной водой; прикосновение к стенам кратера, как способ приобщения к сверхъестественной силе и энергии космоса, которые, как полагают, усиливают иммунитет человека и др.), воспринимаемых как неизменная часть паломнического посещения этого сакрального места.

Вероятно, объективному пониманию всего культурно-исторического и природного ландшафта Бетпакдалы в местности Тайаткан–Шунак как единого эволюционирующего с древности сакрального пространства соответствует изначальный иррациональный мистический смысл, заложенный в местных наскальных изображениях и репродуцируемый в последующие исторические периоды в модернизированном восприятии новым социумом.

В трудах А.Х. Маргулана разработан методологический подход к дешифровке местных петроглифов эпохи бронзы и ранних кочевников как отражения мифологического восприятия окружающего мира: «Творения древних художников сравнимы с поэтическими мифами и являются своеобразным проявлением мироощущения, мировосприятия древнего человека, населявшего территорию Казахстана» [Маргулан 1997: 5]. Исходя из данного подхода, он интерпретировал ряд изображений Шунака как мифологические сюжеты, увидев в них сцены жертвоприношения и поклонения небесным светилам, и даже дал изображениям соответствующие названия – «Небесные светила», «Символ единения», «Поклонение солнцу», «Баксы, обряд жертвоприношения небесным светилам», «Радость бытия» и др.

Он обратил внимание на особенности мифологического мышления в период создания основного массива петроглифов Казахстана (бронзовый век и эпоха ранних кочевников). Воспринимая многие изображения как следствие широкого распространения тотемизма, учёный, с одной стороны, относил тотемические представления к наиболее архаичным, фундаментальным мифам, с другой стороны, характеризовал тотемный стиль мышления как первоначальный, «предпосылочный» по отношению к развитому мифологическому мышлению, обращённому к исторической ретроспективе [Маргулан 2003: 14].

В ходе исследования был сделан вывод о том, что большая часть петроглифов данной местности создана в эпоху бронзы, о чём свидетельствует традиционный для этого периода сюжетный ряд – адоранты, солярные знаки, быки, повозки, лошади с чёлками, лунки, символизирующие «звёздное небо» и др. В сочетании с примитивными астрономическими знаниями они являли собой в древности «культово-информационный комплекс» и семантически могут быть разделены на такие группы, как изображения тотемов; сцен из жизни (включая ритуальные практики); изображения, отражающие солярные и астральные культы. Анализ репертуара петроглифов и научная интерпретация позволила провести аналогии с наскальными изображениями в урочище Тамгалы, расположенном южнее, отмечая сходство с тамгалинским стилем в изображении антропоморфных существ [Марьяшев, Гумирова 2016: 186].

Достаточно распространённым в архаических обществах являлось представление о трёх составляющих мироздания: Верхнем мире (небе), Среднем мире (земле) и Нижнем мире (подземном). В упрощённой биполярной картине были представлены два центра – земной Нижний мир и небесный Верхний мир. Мифологическое мышление, воспринимая окружающее жизненное пространство как Средний мир, выявляло его неразрывную связь с иными мирами и наполняло их объектами и субъектами, проецируя их из Среднего мира при помощи метаморфоз, аллегорий, аналогий. При этом посредством мифологического мышления обязательно осуществлялась и обратная проекция – проникновение и присутствие в Среднем мире сущностей и образов из иных миров, прежде всего, из Верхнего мира. Так, жизненное пространство Среднего мира получало сакральное содержание, конструировалось как единое жизненное пространство профанного и сакрального. В таком пространстве любая повседневная деятельность (обустройство жилища, охота, скотоводство и др.) включала в себя элементы духовных практик, имеющих сакральное содержание, и позитивный результат деятельности рассматривался как благо, добытое, благодаря правильному (должному) взаимодействию с Верхним миром и его проекциями в Среднем мире.

Процесс сакрализации жизненного пространства проявлялся в том, что в границах занятой социумом территории, постулируемой как Средний мир, мифологическим сознанием определялись различные географические объекты, представители растительного и животного мира, наделяемые особыми духовными свойствами и функциями. Получившие особое духовное, иррациональное содержание, объекты и субъекты соединялись в единое целое с Верхним миром не только в сознании, но и в повседневной бытийности ритуалов. Так, в процессе сакрализации создавалась своеобразная система духовных координат («скреп идентичности»), которая позволяла обеспечить базовые потребности в самоидентификации (маркер «свой/чужой»), безопасности, обеспечении ресурсами и воспроизводстве социума. Элементы данной системы связывались воедино различными духовными практиками, к числу которых можно отнести не только ритуалы, моделирующие основные жизненные процессы, но и саму предметно-практическую преобразующую деятельность человека, в том числе наскальное искусство.

Изображение, рисунок – это язык образов, знаков и символов, которые в совокупности передают определённую информацию. Если эта информация имеет сущностное значение, важное для обеспечения идентичности и жизнедеятельности социума, то её локализация и трансляция должны соответствовать двум критериям – быть заметными и быть не подвластными времени. Горы, скальные выходы в степи, возвышенности – это уже само по себе заметное место, а камень – прочный и «вечный» материал для фиксации любой информации, а тем более информации, связанной с культом, ритуалами и верованиями. Известно, что и сами камни являются объектами поклонения у многих народов, в том числе у тюрков [Novozhenov 2020: 50–51].

Наряду с этими вполне рациональными критериями выбора скальных выходов как места для размещения изображения, полагаем вполне вероятным и присутствие иррационального, мистического критерия – место должно быть способным обеспечить максимально прочный контакт Верхнего и Среднего мира. Иными словами, это такое место, где эти миры с точки зрения мифологического сознания и мистических знаний могут быть максимально близки. По этой причине информация может быстро передаваться между этими мифологическими мирами. Размещение изображений в таком месте, на наш взгляд, следует интерпретировать как акт взаимодействия Среднего и Верхнего миров, обеспечения встречных проекций, взаимопроникновения, обмена информацией между мифологическими мирами.

5 Выводы (Бедельбаева М.В., Новожинов В.А., Жусупов Д.С.)

В результате исследования археологических памятников и историко-культурных объектов района гор Тайткан–Шунак выявлены новые научные данные, анализ и интерпретация которых позволяют сделать следующие выводы. В рамках идущей с древности сакрализации местности Тайткан–Шунак как части Бетпакдалы на протяжении длительного исторического периода сформировался и эволюционировал ландшафт как многокомпонентный комплекс сакральных объектов системы «человек–природа–общество» (симбиоз природной среды с историко-культурным наследием). Данные объекты, в зависимости от времени их создания, отражали совокупность мировоззренческих, философских, эстетических, астрономических знаний социума и имели различное сакральное наполнение и функциональное назначение.

Сакральный ландшафт Бетпакдалы в местности Тайткан–Шунак – это не только видимые, открытые для созерцания овеществлённые природные и рукотворные памятники прошлого (кратер метеорита, местонахождение петроглифов, археологические объекты, мавзолей, флора и фауна). В настоящий момент он представляет собой сложный социально-религиозный институт, познаваемый акторами через различные духовные практики: ритуал коллективного паломничества, имеющий целью благодарение, прошение, покаяние и дарующий долголетие, исполнение желаний; мистические переживания; духовное очищение; жертвоприношение; молитвы; общая трапеза; общение с шырақшы – хранителем; использование целебных свойств местных растений для продолжения рода.

Беседы с паломниками показали, что посещение этого сакрального пространства интерпретируется многими как своеобразная демонстрация национальной идентичности и проявление патриотизма. Они не оценивают и не ранжируют сакральные объекты, больше акцентируя внимание на ощущениях, эмоциях, удивлении, познании нового.

Выбор места размещения петроглифов древними насельниками степи в этом ландшафте связан с представлениями о сакральном характере местности, а их создание явилось процессом визуализации обмена информацией между разными мифологическими мирами, что наглядно проявилось в содержании рисунков.

Петроглифы и особенно изображения колесниц и повозок, свидетельствуют также о существовании традиционного канала коммуникации – транспортного коридора, связывавшего Сарыарку и Бетпакдалу с южными плодородными долинами Жетысу, Зерафшана, Сырдарьи и Амударьи.

Таким образом, памятники наскального искусства Бетпакдалы в настоящее время представляют собой реликтовые культурные (археологические) ландшафты, объединяющие как изобразительные, так и другие виды археологических памятников. Многие памятники или их отдельные участки с наскальными изображениями, возникшие в древности в процессе сакрализации местно-

сти, входят сегодня как значимые компоненты в состав сакральных ландшафтов («святых мест») и интегрированы в практику их культового почитания местным населением. Современный научный подход изучения таких сакральных ландшафтов основан на детальной реконструкции и осмыслении сопряжённого с ними палеокультурного (реликтового) ландшафта в динамике его изменений во времени.

Петроглифы, созданные древними насельниками степи, являются воплощением базовых архетипов – коллективных подсознательных мифоподобных символов, выражающих основы потребностей и жизненных циклов социума. Архетипы отражаются в виде конкретных образов, приближённых по стилистике и технике изображения к реальным объектам, что, на наш взгляд, не отменяет их символизм [Бедельбаева 2019: 633–634].

По сути изображения несут в себе соединение пространственного и временного континуумов, преодоление «прерывистости», «конечности», «изменчивости» происходящего в социуме и постулирование «вечного жизненного цикла» в единстве Среднего мира (профанного, мира людей) и Верхнего мира (сакрального, мира мистических существ и предков) посредством их взаимопроникновения и встречных проекций в ходе духовных (ритуальных) практик. Это передача информации (послание) не только соплеменникам и иноплеменникам, но и Верхнему миру, обеспечение тем самым освещения желаемого порядка вещей и его вечной репродукции.

В контексте данного дискурса сам процесс создания изображений становится ритуалом и одной из важных духовных практик, обеспечивающих идентичность социума. Это не только художественное творчество и не единовременное создание завершённой совокупности образов, подчинённой единому сюжету и внутренней логике. Это действие по сакрализации пространства. Действо протяжённое во времени, возможно, циклическое, допускающее появление с определённой периодичностью новых фигур и сюжетов, восходящих к неким основным архетипам. Именно в этих архетипах («символах символов») и заключается интегрирующее все изображения единство.

Единожды сформированное сакральное пространство проживает жизнь вместе с создавшим его социумом и не исчезает полностью с изменением идеологем, определяющих его развитие, оставляя как материальные, так и духовные следы в форме актуализированных представлений о сакральном ландшафте и его использовании в новых условиях. В наше время мы наблюдаем возрождающийся интерес народа Казахстана к историческому прошлому, в ходе которого происходит переосмысление роли и значения таких сакральных объектов, дальнейшее изучение которых представляется актуальной задачей исследований.

Благодарности. Авторы благодарят Г.Т. Едгину, филолога-арабиста, преподавателя исторического факультета НАО «Карагандинский университет им. Е.А. Букетова» и А.Е. Рогожинского, ведущего научного сотрудника Института археологии имени А.Х. Маргулана, за консультацию о значении символов, нанесённых на поверхность сырцовых кирпичей мавзолея Агыбай батыра.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 АКК – Археологическая карта Казахстана / Сост. Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.
- 2 Бедельбаева М.В. Святилище Теректы Аулие как объект неоязыческого культа // Религия в истории народов России и Центральной Азии: м-лы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 10-летию кафедры религиоведения и теологии АлтГУ / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. С. 83–88.
- 3 Бедельбаева М.В. Образы сакрального пространства: изучение, историческая реальность, современная мифологизация (на примере памятников местности Тайаткан-Шунак) // Маргулановские чтения – 2019:

- м-лы междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: НИИ археологии им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2019. С. 624–635.
- 4 Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Новоженева Н.В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. Караганда: САИ, 2015. 252 с.
  - 5 Государственный список памятников истории и культуры местного значения Карагандинской области. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V20K0006094> (дата обращения: 18.07.2023)
  - 6 Жапсымбетова Г. Археографическая экспедиция по изучению петроглифов в Шетском районе Карагандинской области // Музеи Казахстана. 2013. № 4 (28). С. 155–160.
  - 7 Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 162–203.
  - 8 Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.
  - 9 Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Онер, 1985. 143 с.
  - 10 Маргулан А.Х. Петроглифы с тотемом волка. Тотем племени шапырашты // Мир казаха. Алматы: Институт развития Казахстана, 1997. С. 5–14.
  - 11 Маргулан А.Х. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. Т. 3–4. 246 с.
  - 12 Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана // Алма-Ата: Наука. 1966. 436 с.
  - 13 Марьяшев А.Н., Гумирова О.Н. Новые петроглифы в горах Шунак // Актуальные проблемы археологии Евразии: сб. м-лов междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию независимости РК и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 18–19 октября 2016 г.) / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. С. 183–191.
  - 14 Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. 1. Алма-Ата: Жалын, 1979. 174 с.
  - 15 Новоженев В.А. Великая степь: человек в системе древних коммуникаций // Тайнство этнической истории древнейших nomadov степной Евразии. Коллективная монография памяти Е.Е. Кузьминой / Гл. ред. А.В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 18–267.
  - 16 Проект реставрации мавзолея Ағыбай батыра в Карагандинской области. 2005 г. Исполнитель: ТОО Специализированная проектно-реставрационная фирма "Кумбез". Рук. – Т. Турекулов, гл. архит. – Н. Турекулова // Архив ТОО СПРФ "Кумбез".
  - 17 Рогожинский А.Е., Новоженев В.А. Культурные ландшафты с петроглифами Центральной Азии: вопросы и ответы. Самарканд: МИЦАИ, 2018. 252 с.
  - 18 Шөженов Ж.Н. Ақжолтай Ағыбай батырдың биліктері. Қарағанды: Қарағанды экономикалық университеті, 2010. 383 б.
  - 19 Novozhenov V.A. Rock Art Chronicles of Golden Steppe: model of communication in antiquity and Early Middle Ages). Vol. 1. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 2020. 780 p.
  - 20 Shvets I. Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archaeologie Kasachstans. Bd. 1. Darmstadt / Mainz: Philipp von Zabern, 2012. 267 s., 151 tafel.

REFERENCES

- 1 Ageyeva, Ye. I., Akishev, K. A., Kushayev, G. A., Maksimova, A. G., Senigova, T. N. (compl.). 1960. *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana (Archaeological map of Kazakhstan)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the KazSSR (in Russian).
- 2 Bedelbayeva, M. V. 2011. In: Dashkovskiy, P. K. (ed.). *Religiya v istorii narodov Rossii i Tsentralnoy Azii (Religion in the history of the peoples of Russia and Central Asia)*. Barnaul: Altay State University, 83–88 (in Russian).
- 3 Bedelbayeva, M. V. 2019. In: Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulanovskiy chteniya–2019 (Margulan readings–2019)*. Nur-Sultan: K.A. Akishev Research Institute of Archaeology at L.N. Gumilyov Eurasian National University, 624–635 (in Russian).

- 4 Bedelbaeva, M. V., Novozhenov, V. A., Novozhenova, N. V. 2015 *Izobrazitelnyye pamyatniki Kazakhskogo melkosopochnika (Fine monuments of the Kazakh upland)*. Karaganda: Saryarka archaeology institute (in Russian).
- 5 Gosudarstvennyy spisok pamyatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniya Karagandinskoy oblasti (State list of historical and cultural monuments of local importance of the Karaganda region). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V20K0006094> (accessed: 18.07.2023) (in Russian).
- 6 Zhapsymbetova, G. 2013. In: *Muzei Kazakhstana (Museums of Kazakhstan)*, 4 (28), 155-160 (in Russian).
- 7 Kadyrbayev, M. K. 1959. In: *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 7, 162-203 (in Russian).
- 8 Kadyrbayev, M. K. 1966. In: Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 303-433. (in Russian).
- 9 Maksimova, A. G., Ermolaeva, A. S., Maryashev, A. N. 1985. *Naskalnyye izobrazheniya urochishcha Tamgaly (Rock carvings of the Tamgaly tract)*. Alma-Ata: "Oner" Publ. (in Russian).
- 10 Margulan, A. Kh. 1997. In: *Mir kazaha (World of the Kazakh)*. Almaty: Institute of Development of Kazakhstan, 5-14 (in Russian).
- 11 Margulan, A. Kh. 2003. *Petroglify Saryarki. Gravyury s izobrazheniem volchiego totema. Kamennye izvayaniya Ulytau (Petroglyphs of Saryarka. Engravings depicting a wolf totem. Stone statues of Ulytau)*. Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian).
- 12 Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. 1966. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 13 Maryashev, A. N., Gumirova, O. N. 2016. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Aktualnyye problemy arkhologii Yevrazii (Actual problems of archaeology of Eurasia)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 183-191 (in Russian).
- 14 Medoev, A. G. 1979. *Gravyury na skalakh. Sary-Arka, Mangyshlak (Rock engravings. Sary-Arka, Mangyshlak)*. Part 1. Alma-Ata: "Zhalyn" Publ. (in Russian).
- 15 Novozhenov, V. A. 2014. In: Epimakhov, A. V. (ed.). *Tainstvo etnicheskoy istorii drevneyshikh nomadov stepnoy Yevrazii (The Sacrament of the Ethnic History of the Ancient Nomads of the Steppe Eurasia)*. Almaty: "Ostrov Krym" Publ., 18-267 (in Russian).
- 16 The restoration project of the mausoleum of Agybay Batyr in the Karaganda region. 2005. Performerr: LLP Specialized design and restoration firm "Kumbez". The head – T. Turekulov, chief architect – N. Turekulova. In: Archive of LLP Specialized design and restoration firm "Kumbez".
- 17 Rogozhinskiy, A. E., Novozhenov, V. A. 2018. *Kulturnyye landshafty s petroglifami Tsentralnoy Azii: voprosy i otvety (Cultural landscapes with petroglyphs of Central Asia: questions and answers)*. Samarkand: IICAS (in Russian).
- 18 Shozhenov, J. N. 2010. *Aqjoltay Agıbay batırdın bııkeri (The reigns of Akzholtai Agybai batyr)*. Karagandy: Karaganda Economic University (in Kazakh).
- 19 Novozhenov, V. A. 2020. *Rock Art Chronicles of Golden Steppe: model of communication in antiquity and Early Middle Ages*. Vol. 1. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures (in English).
- 20 Shvets, I. 2012. *Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archaeologie Kasachstans*. Bd.1. Darmstadt/Mainz: Philipp von Zabern (in German).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 02.09.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 14.09.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 14.09.2023.

